

ТОМИЛОВА Надежда Викторовна
ПРО СЕРЕЖКУ-КЛОУНА

Сереже всего четыре года, а он такой дерзкий, нет, в хорошем смысле: не боится пробовать, во все первый включается, все ему самому испытать хочется. И посмотреть первому, и сделать, и узнать, и сказать. Но обидчив. К нам в детский сад клоун приехал. Клоун, как клоун, выступал, смешил. Но больше у него сами дети работали. Старшие дети с удовольствием в его игры включались, конфеты за это получали. Даже молодая воспитательница, Елена Александровна, выступала. Она, правда, во фраке клоуна на ворону почему-то похожа была, но видимо так и задумано. Смеялись мы с детьми, прямо скажем, до упада. И тут артист вдруг предлагает: – Ребята, нравится вам, как я выступаю? А кто клоуном настоящим хочет стать? И вот тут-то произошло странное: из старших детей никто не захотел, видимо что-то они такое заподозрили. А мои-то глупенькие, им же по четыре года всего, закричали: – Мы хотим, мы хотим! – это Сережка с Пашкой. Ой, друзья-товарищи!

Клоун, смотрю, растерялся, а что делать? Никто больше не горит желанием. Он и взял Сережку: этот друг еще настойчивее Пашки просился. – Как тебя зовут, мальчик? – спрашивает. – Сережа. – Сережа, а ты правда клоуном стать хочешь? – все еще сомневается артист. – Да, – громко, в тон ему, отвечает Сережа. – Честно, честно? – не унимается циркач. – Честно, честно! – отвечает Сережа. Вздохнул артист, но что делать, повел смельчака к столику, что-то ему говорит, убеждает. Смотрю, соглашается мой подопечный. Я-то уже поняла, что клоун этот сейчас Сережку так разрисует, что мать родная не узнает. Ой, думаю, что будет? Ну что? Что будет, то и будет. Не забирать же его обратно, да он и не пойдет. Разрисовал актер Сережку, нам не показывает. Мы все притихли, ждем. Смотрю, берет на него надевает, большой такой, тоже клоунский, и... – Оп, ля-ля! На арене клоун Сережа! Прошу любить и жаловать! – Сережу к нам развернул и вытолкнул: «на арену вывел». Такого смешного клоуна я и правда раньше не видела: рот до ушей, и берет на них же висит. Как все смеялись! Все-все смеялись, все, кроме Сережки. Дети смеются, а он стоит, мне показалось, рыдания сдерживает. Во всяком случае не смеется, даже не пытается. Мне его жалко стало: – Сережа, – говорю, – ты самый лучший в мире клоун! Правда! – и улыбаюсь ему одобрительно. Он посмотрел на меня недоверчиво: – Самый лучший? А чего они тогда надо мной смеются? – спрашивает серьезно.

Действительно, и чего смеются, если он самый лучший. Ах ты, глупый мой Сережка! И пошли мы умываться.